

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ АДДИКТИВНЫХ РАССТРОЙСТВ В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

Цезарь Петрович Короленко¹, Татьяна Александровна Шпикс²

Новосибирский государственный медицинский университет,

¹кафедра психиатрии, наркологии и психотерапии, e-mail: t.a.korolenko@physiol.ru,

²кафедра педагогики и психологии, e-mail: tshpiks@yandex.ru ,

630091, г. Новосибирск, Красный проспект, д. 52

Реферат. Выделены особенности традиционной, современной и постсовременной культуры, влияющей на формирование и динамику аддиктивного процесса. Проанализированы психосоциальные факторы, специфичные для традиционной культуры в бывшем СССР, которые включали ограничение личной свободы, малую географическую подвижность с привязанностью к месту жительства и работы. Сделан акцент на значении информационного потока, личной ответственности, поверхностности межличностных отношений и нехватки времени в современной и постсовременной культурах. Описаны характеристики современных аддикций и их отличие от аддикций в традиционном обществе. Выделена новая форма смешанной процессуально-химической аддикции у женщин в постсовременной культуре.

Ключевые слова: традиционная, современная, постсовременная культуры, аддиктогенность различных культур, аддикции у женщин.

PSYCHOSOCIAL FACTORS OF ADDICTIONS IN VARIOUS CULTURES

Cesar P.Korolenko¹, Tatyana A. Shpiks²

Novosibirsk state medical university,

¹department of psychiatry, narcology and psychotherapy,

e-mail: t.a.korolenko@physiol.ru,

²department of pedagogics and psychology,

e-mail: tshpiks@yandex.ru,

630091, Novosibirsk, Krasny prospect, 52,

The authors disclose the traits of traditional, modern, and postmodern culture that contribute in the development and dynamics of the addictions. Psychosocial factors typical for the previous USSR are analyzed, which included the limitation of personal freedom, low geographical mobility, with the forced by law impossibility to change voluntarily the place of work. There was stressed the significance of informational flow, personal responsibility for decision making, the superficiality of interpersonal relationships and shortage of time in modern and postmodern culture. The characteristics of contemporary addictions are described and their difference from addictions in the traditional society. The new combined process-chemical addiction in women is revealed.

Key words: traditional, modern and postmodern culture; addictogenity of different cultures; predispositions; addictions in women.

Согласно определению Segal, Korolenko [17], основой аддиктивных расстройств является уход от реальности, достигаемый посредством изменения своего психического состояния. В DSM-5 [10] появился термин аддикции в контексте раздела «Связанные с субстанциями и аддиктивные расстройства». Реальность, от которой уходят через аддиктивную реализацию, создает ситуацию психологического дискомфорта. Содержания последнего многообразны, они включают угнетение, тревогу, скуку, отсутствие мотивации, конфликтные ситуации, необходимость преодоления трудностей, тревожное ожидание, сниженную самооценку, чувство унижения, обиды, фрустрацию в связи с отсутствием ожидаемого успеха, разочарование.

У каждого человека имеется свой порог переносимости влияния отрицательных внешних факторов, которые потенциально способны спровоцировать аддиктивные реализации. Такого рода толерантность обусловлена комбинированным влиянием наследственно-конституциональных и внешних средовых факторов. Последние включают особенности воспитания, характер межродительских и родительско-детских отношений. Воспитание ребенка отражает основные черты культуры, в которой функционирует семья и которые постоянно воздействуют на психическое состояние ее членов, на систему ценностей, ролевое поведение и особенности межличностных отношений в различных системах взаимодействий.

Традиционная культура, характеризуется слабой динамикой происходящих в ней событий, медленным темпом изменений на различных уровнях. Члены традиционной культуры мало географически подвижны, они привязаны к месту жительства, обучения и работы. Их социальная активность ограничена, что выражается в отсут-

ствии самостоятельности в принятии многих решений в ситуациях, когда все решают власть и авторитеты.

Отсутствие личной внутренней свободы в определенной степени компенсируется иллюзорным чувством социальной безопасности и уверенности в завтрашнем дне, психологически комфортной возможностью не брать на себя ответственность за принятие многих ответственных решений. Традиционная культура в бывшем СССР в связи с медленным темпом изменений создавала условия для относительно легкого приспособления человека, начинающего свою профессиональную карьеру, так как он или она после окончания обучения вступали в привычный, практически не изменившийся с детско-подросткового периода, мир событий и отношений.

Тем не менее особенности традиционной культуры создают условия для формирования аддикции – это ограниченность самовыражения, необходимость функционирования в рамках немногих контролируемых активностей. К возникновению аддикций могут привести однообразие, монотонность, жесткая запрограммированность. Все эти факторы вызывают у многих людей неосознаваемый психологический дискомфорт, выражающийся в неудовлетворенности собой и жизнью в целом. Этот обусловленный блокированием потенциальных возможностей развития дискомфорт носит экзистенциальный характер и может рассматриваться в качестве прототипа синдрома экзистенциальной депрессии.

Одним из характерных симптомов психологического дискомфорта является экзистенциальная скука с отсутствием каких-либо мотиваций и чувством бессмысленности жизни. Таким образом, создается почва, своего рода «подготовительное поле» для возникновения аддиктивных, прежде всего алкогольных реализаций по механизму выпивки «от ничего неделанья». В традиционной культуре существует скрытая проблема структуризации свободного от работы времени, что становится особенно актуальным для индивидуумов без выраженных творческих потенциалов и талантов.

Широко распространенное употребление алкоголя во время встреч, семейных, дружеских застолий по многочисленным поводам, различным праздникам, просто по выходным дням, по поводу получения зарплаты, приобретения каких-то вещей, различного рода событий в общественной и личной жизни создавали статус наибольшего благоприствования для развития

алкогольных аддикций. Наличие алкогольных проблем у кого-то из членов семьи, соседей, сотрудников по работе значительно стимулировало развитие в этом направлении.

Традиционная культура в бывшем СССР отличалась наличием специфических факторов, свойственных коммунистическому тоталитарному режиму. В различные периоды эти факторы изменялись, что отражалось на особенностях, возникающих в популяции алкогольных проблем. В определенный период развитию алкогольных аддикций способствовали коллективизация, а также разрушение небольших деревень. Последнее не сопровождалось переездом их населения в укрупненные деревни, как это теоретически предполагалось, а в переселение в города и зоны интенсивного промышленного развития. Такое передвижение большого числа людей сопровождалось исчезновением остающихся, сдерживающих злоупотребление алкоголем влияний положительных авторитетных членов семьи. Ситуации необходимости сдерживать себя в связи с ответственностью перед уважаемыми людьми возникали также при длительных командировках на Север, перемещениях на освоение целины, строительстве железных дорог и др.

Отметим в этом контексте, что в работах Segal [16] указывается на значение фактора переезда из «нижних» Штатов – зоны родительского дома и знакомого окружения у вновь прибывших на Аляску в связи со строительством нефтепровода. Фактор переезда провоцировал обострение ранее существовавших и возникновение новых алкогольных проблем.

Исторически большое отрицательное влияние в СССР имело насильственное внедрение атеизма, которое приводило к расшатыванию традиционных моральных устоев.

Нарастающая алкогольная проблема тщательно скрывалась, что находило выражение в фальсификации статистических данных, а в период «борьбы за трезвость» – даже в запрете использования самих терминов «алкоголь» и «алкоголизм» в заголовках научных публикаций. Запрещались всякие попытки установления каких-либо элементов общности между алкоголизмом и наркоманиями, что отражалось на публикациях некоторых психиатров, которые вдруг стали отрицать само наличие алкогольного абстинентного синдрома [8]. Детально описанный С.Г. Жислиным [3] алкогольный абстинентный синдром стал называться в новой политкорректной редакции алкогольным постинтоксикационным синдромом.

Из поля зрения оценки и диагностики практически полностью выпадали начальные проявления алкогольной аддикции, ограничивающиеся признаками психологической алкогольной зависимости. Алкоголизм не рассматривался в рамках аддиктивного процесса, само понятие которого отсутствовало. Не выделялись процессуальные (нехимические) аддикции.

Данные наших исследований по вопросам алкоголизма как аддиктивной проблемы в связи со сложившейся ситуацией в СССР были впервые опубликованы в США [14], а работа о клинической классификации алкоголизма Korolenko, Dikovsky [13] напечатана в югославском журнале. В ней впервые в СССР выделялись формы алкоголизма с психологической зависимостью от алкоголя и алкоголизм рассматривался в контексте аддиктивной проблемы.

Социальный анализ причин алкоголизма в СССР практически отсутствовал. Исключалось наличие в обществе каких-либо социальных факторов, провоцирующих злоупотребление алкоголем. Последнее рассматривалось лишь в аспекте тезиса о сохранившихся «пережитках капитализма» в сознании отдельных людей. Антиалкогольная пропаганда строилась на декларациях, пафосе и лозунговом подходе. Всякие попытки организовать новые виды помощи лицам с алкогольными проблемами вне официальных учреждений встречались с сопротивлением на различных уровнях. Соответственно всякого рода трудности возникали при создании нами в Новосибирске первой в СССР хозрасчетной противоалкогольной лаборатории на заводе «Сибсельмаш». Лаборатория была организована в 1968 г. и функционировала вплоть до 1992 г. На ее базе проводилась не только практическая работа, но и велись научные исследования, подготавливались кандидатские и докторские диссертации (Макаров В.В., Храмов Ю.А., Драгун А.В., Донских Т.А.)

Официальное разделение алкоголизма на стадии ориентировалось на констатацию вызванных алкоголем соматоневрологических и психоорганических повреждений, зачастую без достаточных обоснований их наличия. Такой подход к диагностике объективно приводил к тому, что стадии алкоголизма устанавливались произвольно. Так, например, в ряде случаев третья стадия алкоголизма диагностировалась при повреждениях, связанных с однократной случайной тяжелой алкогольной интоксикацией. Ю.А. Храмовым [9] исследовались особенности психических и неврологических нарушений,

связанных с употреблением суррогатов алкоголя, содержащих высокомолекулярные спирты и другие токсические ингредиенты.

Особенно закрытой была проблема алкоголизма у женщин. О ней или вообще ничего не упоминалось, или декларировалась злокачественность алкоголизма у женщин. Объективно такая позиция приводила к тому, что очень много женщин с алкогольными проблемами не решались в течение длительного времени обратиться за профессиональной помощью – общественное осуждение женщин, злоупотребляющих алкоголем, было значительно сильнее, чем мужчин в такой же ситуации. В результате в поле зрения специалистов попадали, как правило, женщины с далеко зашедшими (соматическими и психическими) последствиями злоупотребления алкоголем, что «подтверждало» правильность декларации о большей злокачественности женского алкоголизма.

Современная и постсовременная культуры содержат в себе особенности, во многом влияющие на особенности формирования и динамики аддиктивного процесса. Большое значение в этом отношении имеет нарастающий поток информации и ускоряющийся темп изменений в различных сферах социальной и индивидуальной жизни. Человек современной культуры столкнулся с необходимостью усвоения и дифференциации такого количества информации, которое не было свойственно предшествующим периодам общественного развития. Приспособление к этим изменениям для части популяции оказалось психологически чрезвычайно трудной для преодоления задачей и требовало больших затрат энергии и времени. Возникали условия хронического стресса с возникновением эмоциональных нарушений в форме общего психологического дискомфорта, депрессии, свободно плавающей тревоги, страха, апатии. Аддиктивные реализации на этом фоне для многих становились «методом выбора» в форме психологической защиты, позволяющей временно отвлечься от психотравмирующей реальности.

Современная и, особенно, постсовременная культуры создают условия, благоприятствующие развитию аддикции на измененной патогенной почве. Это связано с увеличивающимся числом лиц с диффузной идентичностью, со слабой эго-системой, не имеющих достаточного резерва для преодоления трудностей в течение длительного времени. Увеличение в популяции числа лиц с диффузной идентичностью связано с дефици-

тарностью материнско-детского психобиологического симбиоза в младенческом периоде, что приводит к формированию «основной недостаточности» [11] и блокирует формирование спянной идентичности.

В результате во многих случаях в условиях современной и постсовременной культуры аддикция является лишь частью структуры двойного диагноза, выступая как эпигенетический феномен у лиц с повреждающими дезадаптивными личностными организациями. Достаточно типично в этом контексте формирование аддикции на фоне пограничной личностной организации, нарцисстического личностного расстройства, антисоциального и пограничного личностного расстройства. В последнем варианте своеобразием аддикций является то, что они часто оказываются инструментом временного снятия постоянного эмоционального напряжения, связанного с необходимостью сохранения нарцисстического имиджа.

Характерной особенностью динамики аддикций в постсовременном мире является быстрый переход от осознаваемых аддиктивных мотиваций по типу «желания использовать аддиктивный агент» к варианту автоматического неосознаваемого аддиктивного поведения, выступающего как стереотипно повторяющийся привычный стиль поведения. Robinson, Berridge [15] в этой связи дифференцируют понятия осознаваемого употребления с целью получения удовольствия или снятия эмоционального напряжения (*drug liking*) от бессознательного автоматического употребления аддиктогенного вещества (*drug wanting*). Бессознательное употребление аддиктогенного вещества не связано с сознательным ожиданием какого-либо эффекта, а обусловлено непосредственной активацией системы генерирующей использование вещества.

У многих современных аддиктов аддиктивные реализации входят в их стиль жизни в качестве неосознаваемых сформировавшихся ритуалов поведения без какой-либо критики, ментализации и попыток изменить что-либо в своей аддиктивной жизни. Такие формы аддиктивного поведения в особенности свойственны процессуальным нехимическим аддикциям, к которым относятся работоголизм, Интернет аддикция, шоппинг. Тем не менее автоматические формы поведения обнаруживаются и в динамике алкогольной аддикции, моделью которой является дельта-форма, когда в течение дня имеет место многократное употребление сравнительно

небольших доз алкоголя, не вызывающих переживаний опьянения. Так, например, при дельта-форме алкогольной аддикции небольшие дозы алкоголя употребляются несколько раз в течение дня, что не дает возможности развиться синдрому отнятия (если последний сформировался), так как последующая доза алкоголя поступает, когда предшествующая доза еще не полностью вывелась из организма. Во всех подобных случаях алкоголь употребляется без размышления об изменении психического состояния, без мотивации получения эйфоризирующего, транквилизирующего, возбуждающего или каких-либо других его эффектов. Сам акт употребления алкоголя является вместе с тем действием, без совершения которого возникает психологический дискомфорт, определяемый в рамках «надо что-то сделать».

Дельта-форма аддиктивной реализации очень часто сочетается с другими активностями, которые также могут носить аддиктивный характер. К ним относятся, в частности, злоупотребление Интернетом или различные формы работоголизма. Современная и постсовременная культуры характеризуются одновременной комбинацией нескольких форм аддиктивных реализаций. Наблюдается, например, сочетание процессуальных аддикций в форме комбинации работогольной аддикции с сексуальной, комбинации работогольной аддикции с игровой или Интернет аддикцией.

Ряд исследований показывают, что среди интернет-зависимых часто встречаются патологические игроки или любовные аддикты, аддикты избегания, сексуальные аддикты, любители заниматься киберсексом или поисками киберпорно [4, 5, 7, 18, 19]. В последнее время часто регистрируются случаи сочетания работогольной аддикции у женщин с анорексией или перееданием.

Возможны также комбинации в границах химических аддикций, когда имеет место употребление различных психоактивных веществ. Химические аддикции могут комбинироваться с процессуальными, например, возможны комбинации алкогольной аддикции с сексуальной или алкогольной аддикции с работогольной. На тенденцию комбинации алкогольной аддикции с сексуальной у женщин обращает внимание В.Д. Менделевич [6]. Возможен переход от одной аддикции к другой – от менее разрушительной к более разрушительной и наоборот. А.Ю. Егоров [1, 2] указывает, что работоголизм может явиться «спасительной» аддикцией для бывших наркоманов и алкоголиков на этапе реабилитации.

В динамике аддиктивных процессов в современной и постсовременной культурах придается значение проблеме ментализации. Согласно Fonagy [12], ментализация является процессом регистрации и наблюдения своего внутреннего психического состояния (имплицитная ментализация), а также распознавания и наблюдения психического состояния других людей (эксплицитная ментализация).

Аддикты в традиционной культуре также не проявляли тенденции к ментализации своего состояния. Однако в ряде случаев в условиях прогрессирования аддикции возникал так называемый перекрестный момент, когда появлялась критическая оценка своего поведения с потенциальной возможностью начать движение в обратном направлении. Для современных аддикций такие моменты остановки и продумывания, по-видимому, менее характерны, что обусловлено, в частности, фактором отсутствия времени, лихорадочным темпом жизни, многоролевым поведением. Постсовременная культура не создает условий для формирования интимности. Множественные межличностные контакты в ней поверхностны и ограничиваются отношениями, связанными с выполнением непосредственной задачи в рамках определенной программы. Возникает проблема одиночества в толпе. Отношения даже с близкими людьми, за исключением периода романтической любви, носят часто формальный характер, когда из спектра эмоциональных состояний исключаются сочувствие, сопереживание, эмпатическое созвучие.

Недостаток интимности в межличностных отношениях психологически дискомфортен, так как интимность на психобиологическом уровне необходима человеку. При отсутствии интимности развивается состояние неудовлетворенности собой, что не вербализуется, но всегда включает отрицательные эмоции и имеет тенденцию возникать во внерабочих ситуациях, когда человек не знает, чем ему заняться, и ему или ей не хватает энергии включиться в какой-то вид деятельности. Аддиктивные реализации способны временно избавлять от этих переживаний и потому оказываются очень соблазнительными.

Индивидуум постсовременного общества предпринимает попытки структурировать нерабочее время, находясь в поиске дефицитарной интимности в контактах со случайными людьми в барах, ночных клубах. Однако он находит там, как правило, только себе подобных лиц, не способных на формирование глубоких и длительных эмоци-

ональных отношений. В настоящее время представляется возможным выделить целую категорию лиц с такого рода поведением, которое стереотипно повторяется, становясь аддиктивным ритуалом, стилем жизни, постоянным способом времяпровождения, представляя собой фактически одну из форм процессуальной аддикции – аддикцию отношений.

Нами наблюдались 12 женщин, для которых посещение ночных клубов было неотъемлемым элементом их свободного проведения времени. Эти клиентки были парикмахерами, маникюршами, работали в фирмах, жилфонде, спортивных организациях, учреждениях по занятости. Они не видели другой альтернативы проведения свободного времени, кроме посещения ночных клубов. Дома эти женщины приготавливали для себя лишь минимум необходимой пищи, подолгу оставались в постели, смотрели телевизор, спали. В клубах они имели свой круг знакомых мужчин и женщин, с которыми общались. Как правило, с кем-то из них они иногда вступали в сексуальные связи, которые их ни к чему не обязывали и не приводили к какому-то ограничению их свободы. Все клиентки подчеркивали значение для них личной свободы и независимости от окружающих. Их мечтой была встреча с человеком, с которым они могли бы вступить в равноправные содержательные и значимые взаимоотношения, основанные на любви и взаимном уважении. Однако эта мечта никогда не сбывалась, так как они завязывали отношения с подобными себе лицами. В четырех случаях у клиенток сформировалась форма алкогольной аддикции с физической зависимостью в форме потери контроля на определенном уровне алкогольного опьянения. Если они переходили этот уровень, то их состояние становилось неуправляемым, и они были не в состоянии даже самостоятельно добраться домой. Таким образом, посещение ночных клубов представляло собой вариант комбинированного аддиктивного поведения, включающий психологическую зависимость от места проведения свободного времени, употребления алкоголя и сексуальных связей с различными лицами. Это аддиктивное поведение было диссоциировано от других личностных структур. Личность «хозяина» в ряде случаев проявляла критическое отношение к аддиктивной личностной структуре и переживала в этой связи чувство вины и стыда. Аддиктивная личностная структура формировалась постепенно шаг за шагом, проходя этапы интроекции (введения в психику), интерна-

лизации (усвоения психикой) и трансмутации (становления «органической частью» психической деятельности), когда элементы аддиктивного поведения становились типичными для автоматического поведения с аддиктивными реализациями без преодоления какого-либо сопротивления, связанного с мыслями о возможных негативных последствиях. В результате диссоциации ментализации аддиктивного процесса не происходило, и в течение длительного времени эффективное критическое отношение к нему подавлялось.

В заключение следует также отметить, что в постсовременной диссоциированной культуре наблюдается феномен диссоциации от своей же диссоциированности, что отражается на нераспознавании ее разнообразных аддиктогенных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров А.Ю. К вопросу о новых теоретических аспектах аддиктологии / В кн.: Наркология и аддиктология. Сб. науч. тр. [Под ред. проф. В.Д. Менделевича]. Казань: Школа. 2004. С. 80–88.
2. Егоров А.Ю. Нехимические (поведенческие) аддикции (обзор) // Ж. Аддиктология. 2005. № 1. С. 65–77.
3. Жислин С.Г. Об алкогольных расстройствах / Клиническое исследование. Воронеж, 1935. 135 с.
4. Лоскутова В.А. Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств: Дисс. ... канд. мед. наук. Новосибирск, 2004. 157 с.
5. Менделевич В.Д. Расстройства зависимого поведения (к постановке проблемы) // Российский психиатрический журнал. 2003. №1. С. 5–9.
6. Менделевич В.Д. Руководство по аддиктологии. СПб: Изд-во «Речь», 2007. 768 с.
7. Наумова Т.А. Образ «Я» Интернет-зависимых и интернет-независимых социальных агентов в виртуальном пространстве: Дисс. ... канд. психолог. наук. Ижевск, 2007. 134 с.
8. Столяров Г.В., Банщикова В.М. Лекарственные психозы и психотомиметические средства. М.: Медицина, 1964. 228 с.
9. Храмов Ю.А. Вопросы патогенеза и клиники психических нарушений при интоксикации этиловым алкоголем и сивушными маслами: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Новосибирск, 1968. 26 с.
10. American Psychiatric Association «Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders». Fifth Edition American Psychiatric Publishing. Arlington, VA, 2013. 947 p.
11. Balint M. *The Basic Fault*. Evenston, Illinois: Northwestern University Press, 1994. 222 p.
12. Fonagy P., Gergely G., Jurist E., Target M. *Affect Regulation, Mentalization and the Development of Self*. New York: Other Press, 2002. 577 p.
13. Korolenko C.P., Dikovskiy, A.A. The Clinical Classification of Alcoholism // *Anali Zavoda za Mentalno Zdravje*. Beograd. 1972. Vol.1. P. 5–10.
14. Korolenko C., Donskich T. Addictive Behavior in Women. In: *Addictive Disorders in Arctic Climates: Theory, Research and Practice at the Novosibirsk Institute* [B. Segal, C. Korolenko Editors]. Drug and Society. The Haworth Press New York. 1990. Vol. 4, Numbers 3/4. P. 39–67.
15. Robinson T., Berridge, K. The Neural Basis of Drug Craving: an Incentive Sensitization Theory of Addiction // *Brain Research Reviews*. 1993. Vol. 18. P. 247–291.
16. Segal B. *Drugs and Youth: A review of the problem* // *Int. J. Addict.* 1983. Vol. 18. P. 1114–1121.
17. Segal B., Korolenko C. *Addictive Disorders in Arctic Climate*. New York, London: Haworth Press. 104 p.
18. Young K. Cognitive-Behavioral Therapy with Internet Addicts // *Cyber Psychology and Behavior*. 2007. Vol. 19 (5). P. 671–679.
19. Young K. Understanding Online Gaming Addiction Review and Treatment Issues for Adolescents // *American Journal for Family Therapy*. 2009. Vol. 37. P. 355–372.

REFERENCES

1. Egorov A.Yu. In: *Narkologiya i addiktologiya*. Sb. nauch.tr. [Pod red. prof. V.D. Mendelevicha]. Kazan: Shkola. 2004. pp. 80–88. (in Russian)
2. Egorov A.Yu. *Zh. Addiktologiya*. 2005. № 1. pp. 65–77. (in Russian)
3. Zhislin S.G. *Ob alkohol'nykh rasstroistvakh / Klin. issledovaniya*. Voronezh, 1935. 135 p. (in Russian)
4. Loskutova V.A. *PhD dissertation (Medicine)*. Novosibirsk, 2004. 157 p. (in Russian)
5. Mendelevich V.D. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal*. 2003. №1. pp. 5–9. (in Russian)
6. Mendelevich V.D. *Rukovodstvo po addiktologii*. St.Petersburg: Rech', 2007. 768 p. (in Russian)
7. Naumova T.A. *PhD dissertation (Psychology)*. Izhevsk, 2007. 134 p. (in Russian)
8. Stolyarov G.V., Banshchikov V.M. *Lekarstvennyye psikhozy i psikhotomimeticheskie sredstva*. Moscow: Meditsina, 1964. 228 p. (in Russian)
9. Khramov Yu.A. *Extended abstract of PhD dissertation (Medicine)*. Novosibirsk, 1968. 26 p. (in Russian)
10. *American Psychiatric Association «Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders». Fifth Edition American Psychiatric Publishing*. Arlington, VA, 2013. 947 p.
11. Balint M. *The Basic Fault*. Evenston, Illinois: Northwestern University Press, 1994. 222 p.
12. Fonagy P., Gergely G., Jurist E., Target M. *Affect Regulation, Mentalization and the Development of Self*. New York: Other Press, 2002. 577 p.
13. Korolenko C.P., Dikovskiy, A.A. The Clinical Classification of Alcoholism. *Anali Zavoda za Mentalno Zdravje*. Beograd. 1972. Vol.1. P. 5–10.
14. Korolenko C., Donskich T. Addictive Behavior in Women. In: *Addictive Disorders in Arctic Climates: Theory, Research and Practice at the Novosibirsk Institute* [B. Segal, C. Korolenko Editors]. Drug and Society. The Haworth Press New York. 1990. Vol. 4, Numbers 3/4. P. 39–67.
15. Robinson T., Berridge, K. The Neural Basis of Drug Craving: an Incentive Sensitization Theory of Addiction. *Brain Research Reviews*. 1993. Vol. 18. P. 247–291.
16. Segal B. *Drugs and Youth: A review of the problem*. *Int. J. Addict.* 1983. Vol. 18. pp. 1114–1121.
17. Segal B., Korolenko C. *Addictive Disorders in Arctic Climate*. New York, London: Haworth Press. 104 p.
18. Young K. Cognitive-Behavioral Therapy with Internet Addicts. *Cyber Psychology and Behavior*. 2007. Vol. 19 (5). pp. 671–679.
19. Young K. Understanding Online Gaming Addiction Review and Treatment Issues for Adolescents. *American Journal for Family Therapy*. 2009. Vol. 37. pp. 355–372.

Поступила 03.12.13.